

Я ЗНАЛА МАТРЕНУ ВАСИЛЬЕВНУ

Она явилась первым свидетелем нашего возродившегося счастья

Наталья Решетовская

КОГДА Матрена Васильевна узнала, что Александр Исаевич, или «Исаич», как она его называла, ждет гостью, она тут же предложила уйти на два-три дня к своей подруге Маше. А еще было решено, что вместо «картонного» супа, которым вполне довольствовался ее жилец, будет сварен суп куриный. Однако гостя, а ею была я, почти не притронулась к этому супу, как и ни к чему другому, так как вот уже несколько месяцев лишилась аппетита. Лишилась с того дня, как увидела с Александром Исаевичем после шести лет разлуки.

Я ждала мужа — сначала фронтовика, потом заключенного — десять лет. И будто повинуюсь его «отрезвлениям» меня как в письмах, так и в стихах:

*«Не кланись мне, безумная, нет!
Даже сказочный срок семь лет,
Даже в сказках не ждут*

постылку!..
сдалась жизни за два года до окончания его лагерного срока.

Я не выдержала самого тяжелого его лагеря — тяжелого не только для него, но и для меня. Тяжелого тем, что особый политический лагерь в Экибастузе ограничил нашу переписку — два письма в год! — и совсем лишил свиданий — хотя бы через стол, хотя бы через две решетки, — тех свиданий, которые до того поддерживали нас в нашем чувстве, в нашем постоянстве, в нашей неотрывности друг от друга.

Теперь я переехала к Александру Исаевичу в деревню Мильцово Владимирской области; чтобы решить свою, решить нашу с ним судьбу.

Не столько сама встреча 26 июня 1956 года в Москве, сколько стихи, переданные мне в тот день Александром Исаевичем, — стихи, мне посвященные, а еще — написанные от моего лица, под впечатлением настроений от моих писем — цикл «Когда теряют счет годам», перевернули мне всю душу, всколыхнули прежние чувства, пробудили муки совести, заставили жестоко страдать. И все же я, сколько могла, боролась с собой: ведь у меня были обязательства перед новой моей семьей. Но все было напрасно.

И вот теперь я приехала к Александру Исаевичу, еще не зная, к чему мы с ним придем, но внутренне готовая к крутой ломке своей жизни. Приехала я в субботу вечером. Александр Исаевич встретил меня на станции Торфопроduct. Мы шли в деревню Мильцово по полю. Хотя был уже поздний час, было светло: на безоблачном небе светила полная луна. Все происходившее казалось мне сказкой...

Когда мы пришли в дом Матрены Васильевны, хозяйки там уже не было. Познакомилась я с ней на следующий день. Поздоровалась она очень приветливо. Александр Исаевич представил ей меня по имени и отчеству. Но она меня, как и «Исаича», стала называть просто «Алексеевной».

Должно быть, от Матрены Васильевны не укрылось счастье, выражающееся наших глаз. Но... ни вопроса, ни намека... Между тем именно она явилась первым и пока единственным свидетелем нашего возродившегося счастья.

Быстро справившись со своим нехитрым хозяйством — затопить русскую печь, насыпать корм курам, накормить козу, — Матрена Васильевна снова оставила нас одних.

Было воскресенье, и Александр Исаевичу не нужно было идти в школу. Да и к занятиям на ближайшие дни он подготовился заранее. Так что ничто в тот день не отвлекло нас. Мы говорили с ним без умолку. Когда кто-нибудь из нас выходил из комнаты

хотя бы для того, чтобы принести из неотопляемой горницы, использовавшейся вместо погреба, что-нибудь из продуктов, а потом возвращался, то мы начинали говорить разом. Часто даже об одном и том же.

К этому времени мы оба, каждый сам по себе, стали неплохими фотографами. И нас потянуло снять друг друга: и у входа в избу, и во дворе, и на мостике у пруда — самом живописном месте деревни. У Александра Исаевича не было автопуска, и чтобы за-

того, как русские пленные, сбитые с толку призывами «Родина простила!», «Родина зовет!», с готовностью сажались в поезд, которые должны были доставить их на Родину. Они не подозревали, что на границе их пересадят в другие поезда, где окна вагонов будут закрыты решетками.

От чтения меня отвлек приход Матрены Васильевны. Когда она закончила хозяйничать вне дома и занялась русской печкой, я вдруг почувствовала непреодолимую потребность рассказать Матрене Васильевне все, всю нашу историю.

Матрена Васильевна выслушала меня со вниманием, сочувственно, иногда кивала головой в знак понимания.

Когда я кончила свой рассказ и ждала, что Матрена Васильевна, может, и осудит меня, та вдруг сказала: «А знаешь, Алексеевна, ведь и у меня была жизнь непростая...». И она поведала мне всю историю своей жизни — историю, хорошо известную читателям из рассказа Солженицына «Матренин двор».

Эта душевная беседа нас как-то сразу сблизила. Несмотря на то, что изгибы судеб наших были разными, в чем-то они сходились. Может быть, в том, что

Александра Исаевича вместе с Матреной Васильевной. Не исправлю я этой ошибки ни во второй, ни в третий свой приезд в дом Матрены.

Во второй приезд я с Матреной Васильевной вообще не виделась. Мы разминулись: на время моего приезда она уехала в Черусты навестить свою племянницу Айру, которую она воспитывала до ее замужества и которую любила по-матерински.

А в третий приезд мой в начале февраля уже 1957 года мы жили вдвоем с Матреной Васильевной совсем по-семейному. Она уже не считала необходимым надолго оставлять нас одних. К тому же стояли морозные дни, и приходилось подолгу топить русскую печь, на которую мы с Александром Исаевичем с удовольствием забирались на ночь.

Александр Исаевич считал своим долгом закончить учебный год в своей школе и лишь после этого, уже летом, переселиться ко мне в Рязань, где пока что он побывал только один раз. Именно в Рязани вместе с моей мамой мы встретили Новый год.

Нас так наполняли наши редкие встречи (в перерывах между которыми мы очень часто и много переписывались, да я еще по-

стоянно перевозила в Рязань и там читала все написанное Александром Исаевичем), что нам хватало этого наполнения от одного свидания до другого.

В конце февраля был день моего рождения, к которому я, получила поздравительное письмо от мужа. А накануне, в начале февраля, мы оформили с ним наш второй брак. Поздравительное было короче всех предыдущих его писем. Тогда я не придавала этому значения.

А дня через два-три пришло еще письмо. Читать его я, как всегда, ушла в свою маленькую комнату, чтобы побыть с мужем сначала вдвоем, а потом уже пересказать письмо маме. Дверь в мою комнату оставалась открытой. И вдруг мама, привыкшая к моему счастливому выражению при чтении писем, заметила, что я плачу.

— Что-нибудь случилось? — спросила она.

— Матрена Васильевна... Матрена Васильевна... погибла.

И случилось это до того, как Александр Исаевич писал мне поздравительное письмо. Потому и было оно таким коротким: он не хотел ранить меня в тот день столь горькой вестью. А теперь расписывал все подробно. О том же прочли все, кто читал рассказ «Матренин двор».

В следующий раз я приезжала в Мильцово уже не в Матренину избу, а в добротный дом ее золовки, у которой теперь квартировал Александр Исаевич. Хотя здесь у него была отдельная просторная комната, чувствовал он себя в ней не так уютно, как у праведницы Матрены, так назвал он ее в рассказе.

Я знала, что у Александра Исаевича было намерение написать о Матрене Васильевне. Мне тоже очень этого хотелось, и я все ждала, когда же он выполнит задуманное, когда оторвется от других своих литературных тем.

Приступил он к рассказу два года спустя.

— Теперь как мне назвать рассказчика? — обратился он ко мне. — «Исаич» — нельзя, «Иваныч» — слишком просто.

— Назови его «Игнатич», — посоветовала я.

Часть лета 59-го года мы провели в Крыму, где теперь жили ссыльные друзья Александра Исаевича Зубовы. Они были влюблены в свое Черноморское, а Александр Исаевич отозвался о нем так: «Как — Терек (место их бывшей ссылки), в котором комсомольцы прорыли море». Разумеется, Зубовых, которые обладали счастливым и редким свойством радоваться малому, мы не стали огорчать своим снисходительным отношением к доставлявшему им столько радости Черноморскому. (Кто прочтет «Ракетный корпус» Солженицына, тот познакомится с Зубовыми поближе: они выведены там под фамилией Кадмины.)

По утрам и вечерам мы бывали с книжками на пляже, а днем прятались от зноя либо в комнатке, снятой для нас теми же Зубовыми, либо в садике рядом с ней. Вот в эти-то часы Александр Исаевич и стал писать рассказ о Матрене Васильевне, материалы для которого он с собой захватил.

Не закончив главы то ли повести, то ли романа или рассказа, Александр Исаевич никогда не давал мне прочесть рукопись. Так было и в этот раз: в Крыму мне о Матрене рассказа прочесть не пришлось. Однажды Александр Исаевич мне внезапно сказал:

— Ты знаешь, я написал повину, по образ Матрены, как мне кажется, исчерпал. Пусть полегит...

Рассказа этот был закончен им уже в Рязани. Прочла я его под названием «Не стоит село без праведника».

Рассказ этот был вторым произведением (не считая стихов), которое Солженицын показал Твардовскому.

Дав написанному очень высокую оценку, Александр Трифонович тут же сказал:

— Боюсь, что напечатать этот рассказ будет еще труднее, чем «Один день Ивана Денисовича».

Но судьба до поры до времени благопритествовала как Солженицыну, так и Твардовскому. Рассказ, который по совету Твардовского был назван «Матренин двор», был напечатан через два месяца после «Одного дня» вместе с еще одним рассказом — «Случай на станции Кречетовка».

Может быть, оттого, что «Иван Денисович» продвигался в печать почти год и это притупило радость его появления в печати для Александра Исаевича, выходя «Матренин двор» он был рад безмерно.

— Теперь пусть судят! — сказал он мне, держа в руках первый номер «Нового мира» за 1963 год. — Там — тема, здесь — чистая литература.

Я знаю многих достойнейших читателей, которые рассказ «Матренин двор» ставили выше «Одного дня Ивана Денисовича». Но что бы из этих двух произведений ни предпочли, ясно было одно: оба эти лица — и Иван Денисович, и Матрена Васильевна — стали именами нарицательными.

Высочайшей оценки удостоилась праведница Матрена в речи Твардовского, произнесенной на сессии Руководящего совета Европейского сообщества писателей в августе 63-го года: «Эта женщина неначитанная, малограмотная, простая труженица, и, однако, ее душевный мир наделен таким качеством, что мы с ней беседуем, как с Анной Карениной».

Июль 1989 года.

снять вдвоем, он держал его на вытянутой руке. Фотоаппарат явился вторым, хоть и неодушевленным, но неумирающим свидетелем нашего счастья, никогда раньше не поднимавшегося на такую высоту.

Тот день — 21 октября 56-го года — мы назвали днем нашего воссоединения. К тому же он совпал с днем именин мамы Александра Исаевича, что показалось нам символичным, будто она благословила нас.

В понедельник Александр Исаевич с раннего утра ушел в школу. А меня оставил с совершенно особенным чтением. Только теперь я узнала, как много им было уже написано в ссылке и даже еще в лагере. Готовы были три пьесы, поэма. А сейчас Александр Исаевич трудился над романом с рабочим названием «Шарашка». Кстати пришлось и мои дневники того времени, когда я училась в аспирантуре Московского университета и ездила на редкие свидания к мужу, которого привозили из Марфинской шарашки либо в Таганскую тюрьму, либо в Лефортовскую.

В тот день я стала читать драму «Декабристы» (позже она будет названа «Декабристы без декабрия», а еще позже — «Пленники»). Как и все прочее, драма была написана мелко-премелко с обеих сторон бумаги и на небольших листках. Так было легче поместить все написанное в «тайничок». Пьеса захватила меня с первых страниц, с экранного показа

каждая из нас, будучи цельной натурой, прожила жизнь, вольно или невольно изменив в чем-то самой себе.

После того разговора нам с Матреной Васильевной стало очень легко друг с другом. Она уже не так торопилась уйти к своей Маше. Но когда мы с ней разговаривали в присутствии Александра Исаевича, то он потом подсмеивался надо мной за то, что в разговоре с Матреной Васильевной я не умела избегать непривычных для ее слуха слов, как бы слишком «интеллигентских».

Глядя на более чем скромное одеяние Матрены Васильевны, мне так захотелось ее чем-то побаловать. Как приеду в следующий раз, привезу...

В последний вечер перед моим отъездом мы с Александром Исаевичем развернули купленный им еще в ссылке фотоувеличитель (в сложном виде он был как небольшой чемоданчик), зажгли самодельный красный фонарь, который когда-то смастерил Александр Исаевич его ссыльный друг Николай Иванович Зубов, и занялись «фечатаньем» (так мы отличали печатание фотоснимков от печатания на пишущей машинке).

— Как я мечтал заниматься фотографией в ссылке, делать это когда-нибудь вместе с женой! — произнес Александр Исаевич.

Не перестаю жалеть, что на сделанной нами в те дни фотопленке не оказалось изображения

Матрена Васильевна Захарова из деревни Мильцово (вверху).
Наталья и Александр (снято «с руки»)
Фото Александра Солженицына из архива Натальи Решетовской